

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д. А. Цуканов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 февраля 2015 г.

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления социальной политики учреждений местного самоуправления Воронежской губернии в годы Первой мировой войны. Исследуются разнообразные формы социальной поддержки населения, пострадавшего от военных действий.

Ключевые слова: земство, Первая мировая война, социальная помощь, Всероссийский земский союз.

Abstract: the article is devoted to the main directions of social activities of the Voronezh local self-government during the First World War. The author examines various forms of social support of the population affected by the hostilities.

Key words: Zemstvo, the First World War, social assistance, All-Russian Zemstvo Union.

Начавшаяся летом 1914 г. война в Европе, которая позже получит в истории название Первой мировой, заставила все воюющие страны скорректировать свою внутреннюю политику и подчинить тыловое хозяйство нуждам фронта. С началом войны перед властями стояли задачи военного характера: мобилизация, обеспечение продовольственных поставок, техническое оснащение армии, поставки боеприпасов и др.

Война значительно расширила круг деятельности учреждений местного самоуправления, в первую очередь, земства. В дополнение к традиционным для земских органов функциям добавились новые задачи, обусловленные обстоятельствами военного времени. Одним из ключевых видов деятельности Воронежского губернского земства в годы мировой войны стала социальная поддержка лиц, в той или иной мере пострадавших от военных действий. Можно выделить следующие направления названной деятельности:

1) организация дополнительной медицинской помощи раненым солдатам, прибывшим с театра боевых действий;

2) решение вопросов помощи беженцам, переселившимся в Воронежскую губернию из западных регионов страны;

3) оказание финансовой поддержки работникам земства, призванным на военную службу, и их семьям; помощь социально не защищенным категориям населения;

4) организация помощи в получении образования детьми лиц, призванных на войну.

Бобровское, Землянское, Новохоперское, Воронежское, Острогжское и другие уездные земские собрания выступили с патриотическими обращени-

ями в адрес правительства и общественности и заявили, что, пока «кровь наших сыновей и братьев обильно орошает поля Восточной Пруссии», нам «надлежит всеми имеющимися у нас мерами облегчить тягости и ужасы войны доблестным сынам России, грудью своею защищающих ее от нашествия вражеского» [1, д. 2156, л. 4]. Подчеркнутая патетика обращения земств отражала царящие по всей стране настроения искренней убежденности в правоте России, ставшей на защиту балканского славянства от «прусского кулака». Как отмечает П. А. Попов, в 1914 г. и начале 1915 г. задачи, стоявшие перед земством, решались с воодушевлением в надежде на быстрое окончание войны, а серьезные снабженческие проблемы, хотя и усугублялись, но еще не стояли так остро, как в последние месяцы перед крушением монархического режима [2, с. 109].

Открытие военных действий в Восточной Пруссии положило начало потоку раненых, прибывавших целыми эшелонами в Воронеж. В этих условиях первоочередной задачей земства стала организация медицинской помощи раненым воинам. Эта задача, в свою очередь, подразделялась на ряд составляющих: организация курсов для подготовки сестер милосердия, увеличение количества госпиталей и больниц, обеспечение регулярных поставок медикаментов. Воронежское земство присоединилось к Всероссийскому земскому союзу помощи больным и раненым воинам, образовав ряд специальных губернских и уездных комитетов. За первые 5 месяцев (с начала войны до 1 января 1915 г.) силами Воронежского земства и Союза было оборудовано 75 госпиталей с 5790 койками [3, л. 199]. Развернулась серьезная хозяйственная деятельность, связанная с оборудованием госпиталей, комплектованием ране-

ных бельем и медикаментами, организацией питания. Наряду с оборудованием госпиталей самоуправление взяло на себя часть функций по транспортировке больных во внутренние районы губернии. В сотрудничестве с управлением Юго-восточной железной дороги Воронежский комитет обзавелся собственным составом, который мог перевозить до 240 раненых. Помимо вагонов с солдатами состав имел специализированный вагон для перевязочных работ, вагон-кухню и вагон для медицинского персонала. Не без гордости земцы отмечали, что «с оборудованием такого поезда облегчилось дело эвакуации раненых» [там же, л. 204].

Лечение и реабилитация солдат, пострадавших на фронте, стали возможны благодаря тому, что несколько госпиталей были переоборудованы под пансионаты, где воины могли проходить курс восстановления. Условия содержания в пансионатах были максимально простыми в бытовом плане: солдаты проживали по несколько человек в комнате, питание было четырехразовое, причем зачастую ужин был повторением обеда. Это оправдывалось тем, что после реабилитации солдаты отправятся снова на фронт, где условия выживания еще более суровые. В пансионатах была организована помощь в деле подачи прошений в разного рода инстанции на предмет получения денежных пособий. Важность этой помощи заключалась в том, что большинство солдат, выходцев из крестьянской среды, с трудом разбирались в бюрократических проволочках.

В отчете о деятельности Воронежского комитета Всероссийского земского союза раненым воинам говорилось, что «в 1915 году по г. Воронежу и Воронежской губернии за комитетом осталась руководящая роль по всем видам призрения и лечения больных и раненых, эвакуированных с театра военных действий» [там же, л. 135]. Эти слова были произнесены не случайно. Земцы всячески старались подчеркнуть значение общественного самоуправления в деле организации помощи пострадавшим на войне. Ухудшение обстановки на фронте, постоянный приток раненых, появление большого числа беженцев вынудили местное отделение Земского союза расширить свою деятельность. Было увеличено количество госпиталей, число коек в которых достигло 4 тысяч [там же, л. 136]. В целях подготовки младшего медицинского персонала были организованы курсы сестер милосердия. В условиях постоянного притока беженцев было принято решение выделить два госпиталя для помещения туда больных сыпным тифом и иными заразными заболеваниями.

Новой проблемой, вставшей перед органами местного самоуправления в Воронежской губернии, как и следовало ожидать, стала волна беженцев, переселявшихся из западных губерний России. Массо-

вый наплыв вынужденных переселенцев был вызван стремительным наступлением немецких вооруженных сил на Восточном фронте в 1915 г. и захватом немцами части территорий Польши, Западной Украины и Белоруссии. Власти не были готовы к такому потоку беженцев, поэтому в первое время устройство их жизни было пущено на самотек. На очередной сессии губернского земского собрания, подводившей итоги 1915 г., председатель Управы В. Н. Томановский сетовал на отсутствие «в таком большом и сложном деле одного определенного плана и общего, твердо установленного, руководства» [там же, л. 142]. Глава Управы отмечал неосведомленность властей о точной численности беженцев, которые поселятся на территории губернии, списывая это, однако, на стихийный характер движения вынужденных переселенцев [4, л. 143]. В рекомендательном письме к воронежскому губернатору Г. Б. Петкевичу министр внутренних дел Н. Б. Щербатов обращал внимание на то, что «власти, как бы они ни были переобременены заботами, вызванными войною, постоянно помнили, что попечение о беженцах является одной из насущнейших потребностей момента и одной из первых задач государственного управления» [1, д. 2205, л. 2]. Вместе с тем князь Щербатов призвал градоначальника привлечь к проблеме содержания беженцев земские, городские и иные общественные организации, «выразив надежду, что они откликнутся на зов главноуполномоченных по устройству беженцев о содействии с присущей этим учреждениям и многократно испытанной уже чуткостью ко всему, что связано с бедствиями и нуждами настоящей великой, отечественной войны» [там же, д. 2205, л. 2]. Центральные власти вполне отдавали себе отчет в том, что без участия земских органов решение таких острых социальных вопросов будет крайне затруднено.

Отсутствие должного медицинского надзора за беженцами и опасность возникновения эпидемий вызывали обеспокоенность властей. В докладе Воронежской губернской земской управе городской голова Острогожска И. Ф. Рубцов сетовал, что «никакого врачебно-санитарного надзора (за беженцами. – Д. Ц.) установлено не было» [5, д. 9912, л. 35]. Даже в период массового притока беженцев в губернию вопросы медицинского оснащения и врачебно-профилактического надзора оставались открытыми: земства ждали распоряжения центральных властей. Отсутствие организованного медицинского надзора в деле организации расселения беженцев вызывало обеспокоенность земских служащих. В ходе инспекционной поездки в с. Садовое фельдшер П. Рыжков выяснил условия проживания там беженцев и нашел их неудовлетворительными. «Расселенные по хуторам беженцы живут при условиях далеко не удовлетворительных в санитарном отношении, – говорилось в

докладе Рыжкова. – В каждой “колонии” помещается жильцов сколько может поместиться... Питаются жильцы хуторов свекловицей, черным хлебом – не всегда доброкачественным... Несмотря на такое число рабочих, завод в это время не имеет ни врача, ни фельдшера и лишь в экстренных случаях завод прибегал к помощи земского медицинского персонала с. Садового» [там же, д. 9912, л. 35–36].

Отдельным направлением деятельности Воронежских уездных и губернского земств стала организация социального обеспечения семей земских служащих. Вполне очевидно, что земства не могли оставить без поддержки семьи тех земских служащих, которые оказались призванными на военную службу. Вопрос об организации выплаты пособий был поставлен на заседаниях уездных земских собраний в первые же недели войны. «Кроме забот об облегчении положения семейств, призванных на службу из уезда запасных и ратников, земства берут на себя также заботы и по обеспечению семейств своих служащих, призванных с земской службы на военную», – говорилось в одном из докладов Землянской земской управы, – так как эти семьи без помощи со стороны земств, оказались бы в безвыходном положении [1, д. 2156, л. 7]. За земскими служащими, призванными в армию, сохранялись их оклады, срок службы в армии засчитывался в счет земской службы, правда, величина пособия зависела от количества иждивенцев в семье. Полный оклад получали семьи тех земцев, которые имели троих и более детей. 75 % получали земские служащие, имеющие двух детей, «с одним лицом в семье – 60 % оклада» [там же, д. 2156, л. 13] и, наконец, половинный оклад полагался одиноким. Иллюстрацией этого постановления Воронежского губернского земства является сводная таблица о выдаче пособия земским служащим санитарного отдела [там же, д. 9615, л. 2–3]. Из данных таблицы видно, что земские врачи, имеющие более трех иждивенцев (это могли быть не только дети, но и престарелые родители или малолетние братья и сестры), получали пособие в размере месячного оклада. Например, служащий санитарного отдела, врач Т. Я. Ткачев имел на иждивении жену, троих детей, двух братьев и сестру, а также престарелого отца [там же, д. 9615, л. 2–3]. При годовом окладе в 2400 рублей Ткачеву полагалось пособие в размере 200 рублей в месяц. Адресаты пособия, получив деньги, обязаны были в письменной форме известить управу об этом факте. Помощь была строго адресной, зависела от числа членов семьи получателя и была серьезным подспорьем для родственников призванного на действительную военную службу земского служащего.

На очередной сессии Воронежского губернского земского собрания Управа подняла вопрос о правомочности выделения средств финансовой помощи

тем земцам, которые не состоят в официальном (т.е. церковном) браке. Справедливо полагая, что «кормильцы тех и других семейств, будучи призваны под ружье, имеют одинаковые заслуги перед обществом» [3, л. 152], Собрание постановило организовать выплаты пособий членам семей земцев, состоящих в гражданском браке. Выплаты производились в общем установленном порядке и зависели, как уже отмечалось, от количества иждивенцев в семье.

Нельзя не отметить и того факта, что земство не ограничилось помощью только своим служащим. Был поднят вопрос о необходимости поддержки семей, временно лишившихся своих кормильцев. Речь, правда, шла о беднейших семьях. По закону каждый член семьи военнослужащего, который находился у него на иждивении, получал продовольственный паек, который включал в себя около 12,5 кг муки, 4,5 кг пшена, пол-литра растительного масла и почти 2 кг соли [1, д. 2156, л. 9] (в переводе на метрическую систему). По ценам на осень 1914 г. стоимость такого пайка равнялась 2 рублям 30 копейкам. Справедливо полагая, что подростки в возрасте от 14 лет являются условно работоспособными, Управа предложила выделять по 1 рублю на каждого нетрудоспособного члена семьи лишь самым нуждающимся. По собственному признанию земцев определить, какие семьи являются беднейшими, представляется довольно сложным делом. В связи с этим была установлена квота в 20 %, куда должны были войти лишь самые нуждающиеся семьи. Выделенная для социальных выплат сумма в размере 10 тыс. рублей должна была потратиться по целевому назначению до весны. Кроме этого, управа просила собрание выделить еще один кредит в размере 3 тыс. рублей для единовременных выплат тем семьям, чьи хозяйства ухудшились вследствие военного призыва [там же, д. 2156, л. 9].

Организация помощи собственным служащим, помощь беженцам, забота о раненых воинах – все эти направления деятельности земских органов самоуправления были вызваны чрезвычайными обстоятельствами военного времени. Но стоит уделить внимание еще одному аспекту деятельности земства – содействию в получении образования детей фронтовиков. Весной 1915 г. Министерство народного просвещения рекомендовало земствам создать «Педагогические комиссии для оказания учебной помощи детям лиц, призванных на войну» [5, д. 2156, л. 11]. 8 июля 1916 г. Министерство обнародовало правила организации таких комиссий, задачи которых были весьма обширны: подготовка к поступлению в школу или профессиональные заведения, поиск места работы, взнос платы за обучение, «снабжение учебными пособиями и обмундированием, устройством в общежитие и репетированием» [там же, д. 10526, л. 5]. В каждом городе создавалась одна Педагогическая комиссия,

во главе которой стоял Комитет, состоявший из 3–5 педагогов. Главой Комиссии становился один из начальников учебного заведения города. Устроительный комитет занимался набором педагогических кадров, информированием населения и приемом посетителей, претендующих на льготы. «Необходимо установить личный прием посетителей, придав ему характер самого благожелательного собеседования» [там же, д. 10526, л. 7], – говорилось в указании министра народного просвещения П. Н. Игнатьева.

Существовала определенная система отбора претендующих на помощь, цель которой – содействовать только самым нуждающимся категориям населения. «Иногда просители ходатайствуют о предоставлении им льготы, резко не соответствующей ни положению семьи, ни средствам (например, проживающая в деревне крестьянка, сын которой 13–14 лет окончил курс церковно-приходской школы, ходатайствует об определении сына в гимназию на пансионскую вакансию)» [там же, д. 10526, л. 9]. Целесообразность такого отбора не в последнюю очередь определялась традиционными сословными представлениями об отсутствии необходимости образования лиц низших сословий.

Масштабы социальной помощи, организованной силами земства в Воронежской губернии, трудно переоценить. Логично, что земцы в первую очередь приняли комплекс мер по социальной защите собственных служащих, призванных на военную службу. Семьям земских служащих выплачивались пособия, сроки военной службы земцев засчитывались в выслугу лет, нуждающимся оказывалась помощь в посеве зерновых и уборке урожая. Нельзя не отметить ту бурную деятельность, которую земство проводило совместно со Всероссийским земским союзом помощи больным и раненым воинам. Эта общественная организация, имевшая сеть региональных организаций (губернских и уездных комитетов), ставила перед

собой задачи оборудования санитарных поездов, госпитализации раненых, заготовления медикаментов и др. Несмотря на то что все вышеперечисленные направления деятельности, собственно, и составляли компетенцию земства, нередко звучали голоса о том, что земский союз выполнял функции, не обязательные для него.

При всех позитивных моментах деятельности самоуправления существенным негативным фактором социально-политического развития того времени становилась нарастающая оппозиционность общественности по отношению к власти. Можно согласиться со многими критическими замечаниями, которые земцы отпускали в адрес самодержавия, но в условиях войны такие послы были не только не к месту, но и подрывали психологический климат, настроенность на победу. С усилением тягот войны негативной тенденцией становилась критика власти, не способной обеспечить победу в войне. От былого единения, демонстрировавшегося в августе 1914 г., не оставалось и следа. Пожалуй, подобного рода настроения и стали одной из причин такого мрачного финала. Революции, Брестский мир, гражданская война – трагичный результат многолетнего антагонизма между общественностью и властью в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. И-21. – Оп. 1.
2. Попов П. А. Деятельность городского самоуправления Воронежа во время Первой мировой войны / П. А. Попов // Воронежский вестник архивиста. – Воронеж, 2004. – Вып. 2.
3. Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1914 г. – Воронеж, 1915.
4. Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. – Воронеж, 1916.
5. ГАВО. – Ф. И-20. – Оп. 1.

Воронежский государственный университет
Цуканов Д. А., аспирант кафедры истории России
E-mail: dan-cukanov@yandex.ru
Тел.: 8-908-140-10-80

Voronezh State University
Tsukanov D. A., Post-graduate Student of the History of
Russia Department
E-mail: dan-cukanov@yandex.ru
Tel.: 8-908-140-10-80